

Еще одна из рода утопий, или Как возможна социальная справедливость в мире влюбленных в дальнего своего¹

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НУССБАУМ М. (2023). ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ: ПОЧЕМУ ЛЮБОВЬ ВАЖНА ДЛЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ / ПЕР. С АНГЛ. С. ПОРФИРЬЕВОЙ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. — 632 с. ISBN 978-5-4448-1923-4

Ирина Троцук

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Профессор, кафедра социологии, Российский университет дружбы народов
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Марта Нуссбаум — известный американский философ и невероятно плодовитый автор, опубликовавший более двадцати монографий и пятисот статей² по широкому спектру вопросов «достойной жизни» — от хрупкости добра и поэтической справедливости, любви к стране и воспитания гуманизма до разумности эмоций и новой религиозной нетерпимости (и это далеко не исчерпывающий список). К сожалению, на русский язык переведены только две ее работы — «Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки» (2014) и «Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости» (2023). Первая книга тематически сфокусирована и призвана доказать как ущербность трактовки образования как исключительно инструмента экономического роста, так и ценность гуманитарных наук и искусств для высокого качества жизни и процветания демократических государств. Только что опубликованная вторая книга также подчеркивает важность образования и искусств, сострадательного гражданства и стремления к общему благу, опирается на личные наблюдения за жизнью в США и Индии, отстаивает идеи социальной справедливости и равенства, но на более высоком уровне обобщений, с опорой на предшествующие изыскания автора и добавляя важнейший эмоциональный «ингредиент» социального порядка — любовь. В статье представлена попытка обозначить несомненные достоинства этой прекрасной в своей исследовательской, идейной и иллюстративной насыщенности книги, а также ее (более сомнительные) ограничения, обусловленные, в первую очередь, тем, что книга требует от читателя достаточно высокой осведомленности о своем концептуальном фундаменте (из предшествующих работ Нуссбаум³), а прошедшее с момента ее опубликования десятилетие своеобразно отразилось на ее идейном, понятийном и иллюстративном материале.

Ключевые слова: Марта Нуссбаум, (политические) эмоции, (социальная) справедливость, социальный порядок, достойное общество, (пост)гуманизм, моральные принципы, (политическая) любовь, публичная сфера, (не)равенство, патриотизм

1. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Стратегии нормализации повседневности в чрезвычайных ситуациях: инерция аффекта и открытость вызовам» Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2023 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

2. Официальная страница М. Нуссбаум на сайте юридического факультета Чикагского университета // <https://www.law.uchicago.edu/faculty/nussbaum>.

3. В список литературы включены 32 работы Нуссбаум, в сносках она отсылает читателя к 27.

*Любить — не мед водой разводить
Любви, как и воздуха, много не бывает
Люби, Пахом, не откладывая на потом!
(Сорокин, 2020)⁴*

*Но все, что им нужно, — это только любовь, Все,
что им нужно, — любовь. Но все, что им нужно, это
только любовь, И я говорю тебе: Люби ее, пацан!
(Из песни К. Орбакайте)*

«Принято считать, что эмоции и политика — это опасное сочетание, свойственное исключительно агрессивным (фашистским) обществам» — с этой фразы начинается аннотация к книге Марты Нуссбаум. Если держащий ее в руках читатель — представитель «широкой аудитории», без специальной подготовки в области социальных наук, то его, вероятно, смутит резкий переход от позитивно-эмоционального контекста любви и справедливости в названии книги к негативно-оценочным эпитетам в аннотации. Если же книгу возьмет социолог, то эмоционально ситуация вряд ли изменится, в отличие от оснований для некоторого недоумения. Во-первых, в российском научном дискурсе не принято квалифицировать эмоции подобным образом: имплицитно название книги подразумевает, что эмоции могут быть политическими, экономическими (странно), религиозными (допустим), психологическими (тавтология) и т. д., но ни в повседневной рутине, ни в иных жизненных мирах (в шютцевском смысле) мы так не дифференцируем наши чувства. Во-вторых, хотя понятие справедливости в научном, юридическом и обыденном смыслах не отличается однозначностью (см. подробнее: Троцук, 2019), общепринятым ее основанием считается целерациональность (в веберовском смысле), и несколько странно дополнять справедливость любовью — не менее многозначным понятием даже в контексте аффективного или ценностно-рационального состояния. В-третьих, в сфере политического давно сложился вполне институционализированный категориальный аппарат, отражающий ее эмоциональную компоненту, например, веберовские харизма и аффективное действие, лебоно-тардовские эмоциональное заражение и массовая истерия и т. д. В-четвертых (перечень можно продолжить, но остановимся), читатель с социологической подготовкой сразу вспомнит о принципиальной антипсихологической установке ряда отцов-основателей нашей дисциплины (из учебников по истории социологии) и о проблематичности проведения четких демаркационных линий между социологией и социальной психологией, о необходимости которых так часто говорят члены комиссий на защите студенческих квалификационных работ (из личного опыта).

Согласно аннотации, задача книги — «доказать, что любые политические принципы нуждаются в эмоциональной поддержке», на примере ярких «кейсов» — политических лидеров, «сумевших связать политические эмоции со стремлениями

4. В сборнике придуманных автором пословиц нет раздела «Справедливость», но есть разделы «Счастье» и «Любовь».

к всеобщему миру и справедливости, а не с воинственными проектами, направленными против других наций», — и на основе «антропологических исследований, которые утверждают, что склонность к выстраиванию пагубных иерархий и дискриминации укоренена в человеческой природе»; автор «предлагает противопоставить этим склонностям культивирование любви и расширенного сострадания» посредством прежде всего публичного искусства (с. 4). Уже из названия и аннотации очевидно, что книгу отличает утопически-прекраснодушный настрой (конечно, такая «позитивная» философия более привлекательна, чем «негативная»), что можно объяснить как принципиальной гуманистической позицией автора, так и временем опубликования монографии: в 2013 году у нас было значительно больше оснований для оптимистического взгляда в будущее и веры в справедливое социальное устройство, чем сегодня. С позиций нынешнего дня эмоционально-фундированная политико-гуманистическая версия справедливого социального порядка кажется избыточно утопической (как многие философские проекты прекрасной жизни, по убедительности часто уступающие художественным антиутопиям), тем более что по ряду оснований она была опровергнута событиями последнего десятилетия. Поэтому читать книгу даже интереснее, чем в год ее выхода: любой читатель, ориентируясь на общеизвестный новостной ряд, может оценить степень, качество и вектор (эмоциональный и рациональный) исполнения авторских «пророчеств».

Попробуем реконструировать аргументацию автора, следуя как структуре книги, так и ее сквозным тематическим линиям. Кстати, в книге есть не только Предисловие к русскому переводу и первая глава, не включенная в первую часть, где разъясняются основные идеи, главные вопросы и стратегии поиска ответов на них, но также Введения ко второй и третьей частям, которые вместе с заключительными главами всех трех частей выполняют те же разъяснительно-суммирующие функции. Поэтому ленивый или слишком занятой читатель может ограничиться прочтением этих структурных разделов для понимания позиции автора и ее концептуальных и практических оснований.

Итак, Нуссбаум убеждена, что «политическая жизнь пронизана эмоциями», «они играют важную роль в самых разных политических режимах», и первые наши ассоциации с эмоциями в автократиях — «страх и групповая ненависть» во имя «контроля и манипуляции», а в демократиях — «хаос, опасности, страх, гнев, ненависть и жажда мести», что в обоих случаях заставляет нас «с подозрением относиться к эмоциям» (с. 9) (вероятно, все же к эмоциям в политической сфере, потому что в повседневной жизни мы «живем эмоциями»). Нуссбаум ограничивает предметное поле книги «демократическими нациями» (их синонимом в книге выступают «либеральные общества»), «стремящимися к справедливости и равным возможностям для всех» (с. 17), «существование которых может быть поддержано только постоянным участием граждан в проектах, способствующих общему благосостоянию», и «эти проекты не могут продвигаться авторитарной директивой сверху, но должны поддерживаться людьми, которых они заботят»

(с. 9). Это похвальная гуманистическая позиция, но ее формулировка вызывает вопросы. Так, «демократическая нация» — не само собой разумеющееся понятие, ведь многие авторитарные режимы гордо именуют себя демократиями, причем в книге США — оплот самой демократической демократии. Тоталитарные и авторитарные режимы не менее успешно, чем демократические, придумывают и реализуют проекты по солидарному повышению общего благосостояния, нередко при искренней эмоциональной и идейной поддержке граждан. А «забота» граждан может быть не менее целерациональной (а не политически-эмоциональной), чем решения самых авторитарных режимов: скажем, низовые самоорганизационные инициативы российских сельских жителей, конечно, могут быть мотивированы теплым чувством общности и братской любви к односельчанину своему, но все же в большей степени это рациональная стратегия совместного выживания.

Нуссбаум выстраивает свою позицию на двух основаниях — концептуальном и эмпирическом. В первом случае речь идет о теориях, элементы которых она заимствует, критикует, уточняет или дорабатывает. Хотя в книге об этом не говорится прямо, в устойчивых концептуальных «дихотомиях» Нуссбаум определенно выбирает конкретные «полюса», пусть и с некоторыми смещениями. Так, между абстрактными политическими принципами справедливо организованного общества и «более хаотичными и менее абстрактными» эмоциями она выбирает скорее середину — «принципы должны быть связаны с образами и нарративами, которые покоряют сердца людей» посредством «диалога в публичной риторике и публичном искусстве», потому что иначе «политическому проекту (это понятие в книге не расшифровывается) не удастся мотивировать реальных людей испытывать любовь... и он потерпит неудачу из-за отсутствия поддержки» (с. 10).

Между социально-конструктивистской и биологизаторской трактовками эмоций Нуссбаум выбирает скорее вторую, подтверждая примерами из жизни животного мира, что «мы — существа, имеющие потребности и нуждающиеся в любви» (с. 10), но «склонность к стигматизации и дискриминации заложена в человеческой природе, а не является наследием порочной истории» (с. 27) (если у нас порочная природа, то вряд ли следовало надеяться на непорочную историю). Нуссбаум несколько противоречит себе: когда она говорит о «публичных эмоциях», которые следует «направить в правильное русло, т. е. на службу открытости, равенства, утешения и искоренения рабства», чтобы они не «привносили или усугубляли разрозненность, иерархическое разделение или различные проявления пренебрежения и ограниченности» (с. 16), такое культивирование эмоций явно носит социально-конструктивистский характер. Кроме того, и это может смутить читателя-социолога, настроенного на эмпирическую интерпретацию всех используемых понятий, Нуссбаум не уточняет значение многих принципиальных для книги конструкций, поэтому слова «народ», «нация» и «всякое общество» используются как синонимы; не прописывает связь и различия между эмоциями, которые призваны обеспечить «стабильность политической культуры» и «сохранность главных ценностей в трудные периоды» (с. 16), имея при этом «некое оцениваю-

щее содержание» (с. 22), и этими ценностями (ценности — это рациональная «надстройка» над эмоциональным «базисом»?)). Отмечено лишь, что «все политические принципы — хорошие или плохие — нуждаются в эмоциональной поддержке, которая поможет обеспечить их стабильность с течением времени; и все достойные (каков критерий достойности?) общества должны избегать разобщенности и пагубных иерархий, культивируя сочувствие и любовь» (с. 17).

С этим гуманистическим призывом не поспоришь, но ведь «культивация» нужных эмоций часто не срабатывает даже на индивидуальном уровне (скажем, в отношениях родителей и детей), а в книге говорится о своего рода переносе эмоций «большинства, склонного проявлять сочувствие и сострадание» по отношению к близким (ограниченному кругу), на уровень обобщенных других (социально дальних, включая «всю нацию»). Другим аспектом «культивирования» эмоций выступает «сдерживание тех сил, что скрываются в каждом обществе и в конечном счете во всех нас, — стремление защитить свое хрупкое “я” через унижение и подчинение... отвращение, зависть, желание отметить другого клеймом позора» (с. 17). Но и с этим мы плохо справляемся даже в отношениях с родными, и многие «супердемократические» общества в прошедшее десятилетие проявили себя не лучшим образом (миграционный кризис, позитивная расовая, гендерная, национальная и сексуальная дискриминация и т. д.). В целом Нуссбаум придерживается позиции Дж. Ролза (Ролз, 2010): эмоции должны поддерживать политические принципы и социальные институты не только целерационально, но и одобряя основные идеи справедливости (моральные чувства), однако считает отличием своей концепции от ролзовской более «строгие формулировки нормативных предложений» в интересах борьбы с дискриминацией и стигматизацией (с. 27).

Эмпирическая основа книги — реальные «кейсы», призванные подкрепить концептуальные построения автора и обозначить реальные возможности избежать множества опасностей эмоциональных образов в политической сфере, в частности, «воинственных проектов» (конструирование образа внутреннего или внешнего врага) по достижению партикулярного, а не «всеобщего мира и справедливости» (с. 11). В качестве «кейсов» выступают: «Новый курс» президента США Ф. Д. Рузвельта в разгар Великой депрессии (публичные образы тяжелого экономического положения, сплотившие граждан состраданием на основе чувства общей уязвимости и стремления к «экономической справедливости для всех»); создание образа единой новой нации Дж. Неру и М. Ганди; деятельность «великого ненастоящего революционера» М. Л. Кинга (во что вылился его призыв к «некарательным стратегиям» борьбы за справедливость, мы наблюдаем в политически санкционированных экономических, ценностных и эмоциональных последствиях деятельности движения «Black Lives Matter», которые плохо соотносятся даже с понятием социального порядка) и т. д. Свой «нормативный политический проект» Нуссбаум разрабатывает применительно к США и Индии, что объясняет как опытом жизни в обеих странах, так и их оценкой — как «примеров успешной либеральной демократии, объединенной политическими идеалами, а не чувством

этнического единообразия», несмотря на сохраняющееся «сильное неравенство» (вероятно, некоторые читатели оспорили бы и успешность, и либеральность, и демократичность, признав только последнюю характеристику).

Представленные в книге «кейсы» призваны показать, во-первых, что для справедливого социального порядка недостаточно голых абстракций (политических идеалов) — необходимы нарративы и символы (особенно поэтические), опирающиеся на общую культурную память (при ее наличии) и имеющие эвдемонический характер (содержащие личностно одобряемый образ достойной жизни). Однако в массовом информационном обществе те, кто «вызывают в нас глубокие эмоции», «входит в наш круг заботы» и «связан с нами через наше представление о ценной жизни», далеко не всегда члены нашего близкого социального круга — это могут быть представители референтных групп и совсем не адепты социальной справедливости и достойной жизни (часто онлайн-«звезды» — люди с сомнительными ценностями и уголовно наказуемым образом жизни, завораживающие своими доходами). Во-вторых, что «все основные эмоции, поддерживающие достойное общество, либо уходят корнями в любовь, либо являются формой любви... сильной привязанностью к вещам, не контролируемым нашей волей... которая своей главной целью ставит уважение» (с. 36). Эта воодушевляющая идея скорее апеллирует к утопически желательному, чем отражает реальное положение дел, пусть даже «блестящие исследования» когнитивных психологов, приматологов, антропологов, нейробиологов и психоаналитиков, по мнению Нуссбаум, подтверждают ее «нормативный философский проект». Возможно, согласиться с реалистичностью этого проекта читателю с развитым социологическим воображением мешают не менее блестящие эмпирические исследования, убедительно доказывающие острый недостаток любви/уважения в нашей жизни и иные эмоциональные основания социального порядка, притом что большинство людей не может дать определение и даже не особенно задумывается о значении таких слов, как «справедливость», «любовь» и «достойное общество».

Нуссбаум понятие любви не проясняет, а скорее еще больше запутывает (см. например: Illouz, 2016; Swidler, 2001), определяя ее как «не постоянное переживание, а отношение, включающее в себя калейдоскоп самых разных чувств, действий и реакций, в том числе сильную сосредоточенность на другом человеке». В публичной сфере «любовь» (как таковая и ее политическая версия) означает, что публичная культура «не может быть отстраненной и бесстрастной, если мы хотим сохранить хорошие принципы и институты. В ней должно быть достаточно всеобъемлющей любви, достаточно поэзии и музыки, достаточно доступа к духу привязанности и игры, чтобы отношения людей друг к другу и к нации, в которой они живут, не стали просто мертвой рутинной» (с. 479).

Структура книги усиливает аргументацию автора за счет наличия трех частей: в исторической и теоретико-методологической частях по три главы, а в самой объемной части — четыре, представляющие собой убеждающе-иллюстративное описание публичных эмоций. Первая часть «История» может разочаровать чита-

теля, ожидающего хронологической реконструкции «аффективного поворота»: сначала здесь проанализирована литературная основа, либретто и музыкальные особенности оперы В. А. Моцарта «Женитьба Фигаро», «одного из главных предвестников Французской революции, посвященной переходу от феодализма к демократии, показанному на примере выстраивания чувств» (с. 41); затем рассмотрены споры о социальном единстве, эгалитарных обществах и «новом (очищенном) патриотизме» в концепциях Ж.-Ж. Руссо и И. Г. Гердера — опера и споры названы «предтечей того типа либерализма, который позднее будут развивать Дж. С. Милль и Р. Тагор»; а также идея «религии человечества» О. Конта, «которая могла бы побудить к альтруизму и обеспечить стабильность требовательных политических принципов». Идеи всех упомянутых мыслителей названы «замечательными», но опирающимся на «несовершенную психологию, с которой мы не можем сегодня согласиться» (с. 41).

Весьма спорно утверждение Нуссбаум, что «ключевые идеи гораздо точнее выражаются в музыке» (с. 53), чем в либретто «Женитьбы Фигаро», ведь в первом случае доминирует эмоциональная трактовка, а во втором — вербально-лингвистическая, и ее ограничения обычно заданы более институционально-жестко. Вероятно, редкий читатель согласится с тем, что «“Женитьба Фигаро” — крайне полезное пособие, напоминающее нам о том, что людей нужно принимать такими, какие они есть, а не участвовать в нереалистичных проектах, которые в конце концов заставят нас ненавидеть реальную человеческую природу» (с. 178). Сомнительна и общепринятость «политического прочтения пьесы П. О. К. Бомарше», согласно которому «к пятому акту Фигаро становится апостолом нового типа гражданственности, свободной от иерархии» (с. 58) — многие зрители не увидят в опере Моцарта «критический анализ роли мужского статуса» (с. 59) и не услышат «музыку, изобретшую демократическую взаимность» (с. 66). Столь же сомнительно, что в кинофильме «Побег из Шоушенка» замершие под звуки оперы заключенные в тюремном дворе слышали в музыке «идею своего рода внутренней свободы, свободы духа, которая заключается в том, чтобы не думать об иерархии, не стремиться избежать контроля со стороны других и не стремиться контролировать их», «свободы как счастье иметь равного человека рядом с собой» (с. 65) — люди могли замереть по самым разным причинам (реакция на неожиданность, красивое звучание, знакомая музыка, личные воспоминания, с ней связанные, ужас перед наказанием того, кто включил оперу на полную громкость, и т. д.).

Постоянно делая отсылки к неоднозначному образу Керубино, Нуссбаум излагает идеи философов-современников оперы Моцарта, подтверждающие, что «демократическая взаимность нуждается в любви, уважения недостаточно... оно не может быть стабильным и устойчивым... а любовь находится глубоко в человеческом сердце и затрагивает его самые сильные чувства, включая страсть и юмор» (с. 76). У Ж.-Ж. Руссо она рассматривает идею гражданской религии, объединяющей людей «прочными узами патриотических чувств, подобным узам любви, которые со временем сделают эгалитарные институты стабильными» (с. 77): такая

религия «основана на некоторых квазирелигиозных догматах, включая святость общественного договора и законов» (с. 78), т. е. речь идет о любви к нации и ее законам, единодушном политическом братстве, гомогенном политическом режиме и торжественных публичных церемониях и гимнах, однако, «несмотря на сильную ненависть Руссо к феодальному порядку», для него «гражданская любовь, как и феодальная любовь, в основе своей имеет подчинение и иерархию» (с. 79).

Нуссбаум полагает, что более близка моцартовской «эротичной и драгоценной гражданской любви» концепция игривого, а не агрессивно-кровожадного «реформированного патриотизма» И. Г. Гердера. Он считает нужным ради всеобщего мира и справедливости прививать гражданам следующие эмоциональные «убеждения»: отвращение к войне, спокойное отношение к воинской славе, отвращение к лживому государственному искусству (критическая гражданская позиция), патриотизм мирного сосуществования (отрицание национального самоопределения через соперничество), приверженность справедливым принципам торговли (отказ от монополии и усмирение алчности), удовольствие от полезной деятельности (с. 83–84) (за исключением последнего принципа, все остальные основания «достойного общества» сегодня вряд ли бы признали правительства многих стран). У О. Конта Нуссбаум заимствует идею перехода от уровня отдельных стран к глобальной справедливости, но видит в его теории «подводные камни, предубеждения и даже абсурдность» (с. 98) (нравственный контроль, осуществляемый небольшой группой философов-позитивистов, отношение к людям как «к покорным роботам», «взаимозаменяемым машинам», или пренебрежение индивидуальностью, безразличие к традиционным культурам мира, восприятие своих идей как неуязвимых перед критикой и др.), устранить которые можно, обратившись к работам Дж. С. Милля и Р. Тагора, что оставит в концепции Конта только «положительные, благовидные» моменты: воспитание в людях неэгоцентричного понимания счастья посредством культивирования духа всеобщего братства в поэзии, музыке и изобразительном искусстве; создание «организованной системы поклонения самому человечеству»; развитие системы образования — «чтобы научиться поступать правильно и... чувствовать надлежащим образом» (с. 108).

Нуссбаум импонирует идея Милля о моральном прогрессе, который разовьет у людей чувство общности и, значит, должное уважение к счастью каждого (с. 115). Помочь такому прогрессу могут политические реформы, которые будут «способствовать развитию соответствующих моральных чувств» (с. 116) при поддержке системы образования (правда, Нуссбаум не разделяет идею Милля о государственных экзаменах, а не государственном финансировании, считая бесплатное образование основой политического равенства) и светской религии, «культивирующей общее сочувствие» (с. 117). У Тагора Нуссбаум поддерживает и антиконтовские тезисы (свобода творчества и критический дух, самовыражение и любовь, плюрализм и отвержение расовых, религиозных и гендерных различий, отказ от контроля и однородности, скепсис по отношению к традициям, обычаям и ритуалам прошлого), и вполне контовские идеи (культивирование сочувствия как

ядро новой светской религии, необходимость формирования единого мирового сообщества). В концепциях обоих — Милля и Тагора — соглашается с формулировкой «нашей основной этической проблемы»: «ограниченное сочувствие в сочетании со стадной покорностью заставляет людей слепо следовать традициям, где сочувствие распространяется на очень ограниченный круг людей» (с. 164).

Вторая часть книги знакомит читателя с «нормативным описанием достойного общества, к которому стоит стремиться», — его Нуссбаум разрабатывает на основе анализа «политических свобод и любви в наши дни... в духе Милля и Тагора [и Моцарта], а не Руссо и Конта» (с. 172). Это описание конструируется из элементов ее теории «возможностей», концепции Дж. Ролза, «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта, европейских социальных демократий, устремлений индийской конституции и императива тесного взаимодействия мотивационного (воздействие на психологию граждан через политическую риторику, песни, символы, информацию и образование) и институционального (институции «репрезентируют понимание ценного типа эмоций, например, достойная налоговая система») аспектов публичных эмоций (с. 43). Затем Нуссбаум оценивает реализуемость своего проекта, исходя из имеющихся ресурсов и психологических препятствий (обусловленных нашей животной природой).

Ограниченность предшествующей исследовательской традиции Нуссбаум связывает с неглубоким психологическим подходом (даже сострадание «было недостаточно хорошо проанализировано») и с непониманием, что «сострадание и альтруизм — часть нашего животного наследия» (с. 173), а «телесное (!) отвращение и стыд постоянно угрожают созданием социальных иерархий» (с. 174). Нуссбаум рассуждает в духе постгуманизма, называя животных «не-людьми», «другими альтруистическими существами», «имеющими право на нашу поддержку их действий и стремлений» (по поводу «долга справедливости» по отношению к растениям она сомневается) (с. 186), потому что они, как и мы, «заботятся и скорбят, переживают сострадание и утрату, совершают альтруистические действия» (с. 211). Здесь следует вспомнить, что до сих пор ведутся споры о том, насколько мы правильно интерпретируем поведение животных — не слишком ли антропоморфизуем их инстинктивные реакции и адаптацию к человеческому окружению. Впрочем, и сама Нуссбаум периодически противоречит декларируемой универсалистско-биологизаторской трактовке эмоций, отмечая, что у любого государства есть своя «культура эмоций», «способность людей к выражению сочувствия сильно варьирует в зависимости от культуры, в которой они живут» (с. 178), «сфера образования станет главной сценой, на которой будет происходить формирование (!) политически подходящего сочувствия и борьбы с неподобающими формами ненависти, отвращения и стыда» (с. 191), «склонности к плохому поведению скорее всего являются результатом взаимодействия внутренних, врожденных склонностей со структурными особенностями человеческой жизни (смертность, нужда, взаимозависимости)» (с. 255), а в основе социальной стигматизации («радикально сегментированного мира») лежит «проецируемое отвращение», возвращаемое

презентацией «иных» как квазиживотных (выдумки, проекции, ложь), хотя основанием такого антропоотрицания утверждается «глубинный страх смерти и беспомощности» (с. 279).

«Животная» часть рассуждений Нуссбаум вызывает наибольшие сомнения: сложно увидеть «зачатки моральных ориентиров, поддерживающих справедливые институты, в нашем животном наследии», хотя справедливо утверждение о двойственной природе наших ограничений — биологически-социальной (с. 242). Вряд ли оправданна и идеализация животного мира, для которого «нехарактерны некоторые виды плохого поведения (геноцид, садистские пытки, этнические чистки)» (с. 243), поскольку животные пожирают себе подобных далеко не только из чувства голода. А от фразы «ни одно животное, кроме человека, не отрицает, что оно животное, не ненавидит свою животную сущность, не избегает себе подобных потому, что они животные», веет двусторонним снобизмом: с одной стороны, почему мы в этом так уверены (пример — волки-одиночки); с другой стороны, бодипозитивное движение может быть свидетельством принятия своей физиологически-животной сути.

Критика либертарианских идей выглядит более обоснованной, но предложенная взамен «правдоподобная теория тех сил, что являются причиной дискриминации и ее плачевных последствий» (с. 248) не менее «наивна» — ее похвальный гуманистический пафос не всегда оправдан. Скажем, не похоже, что «групповая ненависть и отвращение — это основная часть того (дискриминации, стигматизации и изоляции), чему наши нации согласны противостоять», — многие (со)общества/государства прекрасно себя чувствуют, культивируя эти чувства, и культура мало что способна (если даже намерена) противопоставить «некоторым важным человеческим склонностям к плохому поведению» (с. 251). Нуссбаум говорит именно о склонностях («радикальном зле»), поскольку, следуя Канту, считает «нашу животную природу в основе своей нейтральной», и «искуситель, невидимый враг внутри, — это что-то определенно человеческое, это склонность к соревновательному честолюбию, которая проявляется всякий раз, когда люди оказываются в группе» (с. 253–254).

Основная стратегия преодоления социальных несовершенств в книге — это, по сути, безусловная любовь к ближнему и дальнему, но признается и необходимость других «инструментов». Например, отвращение к стигматизированным группам предлагается преодолевать игрой воображения, «через поэтический дух... очеловечивая и возвышая точку зрения отколовшихся, презираемых», «примеривая на себя точку зрения разных персонажей» (с. 287) (в социологии мы, видимо, называем этот поэтический навык «социологическим воображением»). В подтверждение приводятся эксперименты С. Аша и С. Милгрэма, согласно которым (в духе Х. Арендт⁵) «зло таится в нормальных людях, оказавшихся в условиях, в которых они отказываются от личной ответственности... и личной сво-

5. См., напр.: Degerman, 2019; Heins, 2007; Nelson, 2006.

боды воли и становятся проводниками чужого замысла» (с. 295–296), особенно если воспринимают тех, над кем имеют власть, обезличенно (с. 299). Нуссбаум делает вывод о необходимости развивать и поддерживать культуру инакомыслия и критическое мышление для «предотвращения ужасных поступков», и эту задачу должны решать система образования⁶ и политическая культура, «максимизирующие личную ответственность и восприятие других как полноценных автономных человеческих существ» (с. 300). Причем «активное культивирование эмоций» может и должно «сосуществовать с защитой открытого критического пространства (обсуждений)». В подтверждение рассмотрена расовая дискриминация в США, которая была устранена «не только через законы и институции, но в том числе через публичные празднования, риторику, символику, искусство и широкий спектр убедительных эмоциональных стратегий» (с. 191–192), но в обществе сохраняется плюрализм мнений относительно позитивной дискриминации (с. 193). Последние несколько лет — расцвет движения «Black Lives Matter» и институционализация множества правил, требований и практик, дискриминирующих «нечерных» (см. Ellefsen, 2022), — явно противоречат убеждению Нуссбаум в разрешении «расового вопроса» в США и «торжестве идеалов плюрализма», «права и свободы на инакомыслие» (с. 328)⁷.

Третья часть книги «посвящена анализу текущей ситуации и недавней истории, в основном в США и Индии», через призму патриотических эмоций, которые Нуссбаум считает необходимым культивировать в форме «гуманного и вдохновляющего патриотизма, защищенного от опасности... агрессивных и воинственных своих форм» (с. 44). Самым важным чувством для мотивации и поддержания альтруистических действий и эгалитарных институтов она считает сострадание, выраженное в «сострадательном гражданстве». Для его обретения по мере взросления люди должны учиться «трагическому и комическому созерцанию различных перипетий жизни» — трагедия дает понимание общей незащитности, комедия помогает принять неупорядоченность жизни с гибкостью и милосердием, а не ненавистью, противостоя трем основным угрозам сострадательному гражданству — страху, зависти и стыду (с. 45). Признавая универсальность эмоций как политических инструментов, Нуссбаум уточняет, что разные типы обществ/режимов используют разные наборы и разные типы эмоций, например, призывая

6. Подробнее см. в: Нуссбаум, 2014.

7. См., напр.: Мюррей, 2021. С. 211: «Как это было и в случае с феминизмом... в тот момент, когда расовое равенство было большим, чем когда-либо в истории... появилась новая пылкая риторика и новый набор идей. Точно так же, как популярная ветвь феминизма вместо прославления женщин обратилась к демонизации мужчин, часть “черных исследований” начали атаковать людей, цвет кожи которых не был темным. Дисциплина, направленная на дестигматизацию, начала стигматизировать». С. 308–309: «Мы создали мир, в котором прощение стало практически невозможным, в котором грехи отца могут быть возложены на сына... мир, где действия могут иметь такие последствия, какие мы никогда не могли себе вообразить, где вина и стыд ближе, чем когда бы то ни было, и где нет никаких средств к искуплению... мир, в котором проявляется один из величайших видов власти — власти осуждать и потенциально разрушать жизнь других людей по причинам, которые могут быть, а могут и не быть искренними», что влечет разочарование в «новой религии справедливости».

стыдиться чрезмерной жадности и эгоизма, но не цвета кожи, физических недостатков, религиозной веры и т. д. Кроме того, в третьей части Нуссбаум возвращается к обозначенному в первой главе разведению идеального и действительного: политическое конструируется реальными людьми, поэтому каждое общество характеризуется определенной степенью достигнутой справедливости, что не исключает необходимости постоянных усилий по ее поддержанию и приближению к идеалу.

Задача третьей части — применить ту аналитическую стратегию, что была разработана во второй части, «в контексте реальных обществ», т. е. главное требование к «культивированию публичных эмоций» — контекстуальность: «лидеры, стремящиеся обеспечить эмоциональную поддержку значимых проектов, должны взаимодействовать с людьми такими, какие они есть — с их особыми, исторически и социально сформированными предпочтениями и заботами... Хорошие общественные эмоции действительно воплощают общие принципы, но облачают их в одежды конкретного исторического повествования» (с. 302–303). В качестве «кейсов» рассмотрены важные политические «действия» «опытных лидеров и стратегов», которые «претворяли мечты в реальность, отчасти используя красоту идеалов для мотивации реальных людей» (с. 578): инаугурационные речи американского президента А. Линкольна, речь М. Л. Kinga на марше в Вашингтоне, образ жизни М. Ганди, речь У. Черчилля как «парадигмальный случай мудрого политического укрощения страха» и др. Все эти примеры призваны подтвердить, что «люди не влюбляются в абстрактные идеи... без множества вспомогательных инструментов в форме метафоры, символа, ритма, мелодии, конкретных географических особенностей и т. д.». Например, чтобы «патриотические эмоции (форма любви — к нации) становились необходимой опорой для ценных проектов, предполагающих жертвенность ради других» (с. 311), далеко не всегда нужен героизм эпических сражений или демонизация оппонентов — не менее эффективны сострадание к беднейшим, решимость искоренить несправедливость, преданность делу и надежда на лучшее. «Патриоты часто не любят реальность, предпочитая облагороженную версию прошлого и настоящего. Они боятся, что изображение нации такой, какая она есть, подорвет любовь. Но на самом деле они говорят о том, что человеческое сердце не может выдержать реальности, что... родители не могут обнимать детей, которые не соответствуют их идеализированной картине достижений», тем самым «обрекая разум, пойманный на крючок совершенства, на отчаяние» (с. 384). Поэтому патриотическое воспитание должно учить не патриотизму, а любви, и «закон и институциональная структура являются необходимыми опорами всего хорошего в патриотизме (конституционные права и независимая судебная власть, свобода слова и печати)», т. е. инструментами защиты инакомыслия и инаковости (с. 385).

Нуссбаум полагает, что образования, законодательства и институтов недостаточно для формирования «хороших моральных принципов» в диалоге с подкрепляющим их эмоциональным опытом — необходима поддержка искусства (в ши-

роком смысле слова, включая планирование городских пространств⁸). Например, трагедия (ужасные бедствия, затрагивающие всех) — «эффективное средство преодоления сегментации в социальной жизни», которое «порождает ценный диалог о вине и социальных изменениях» (с. 399) и «показывает пределы человеческих амбиций, но не таким образом, который ведет к параличу воли» (с. 400). Поэтому важно правильно «репрезентировать бедствия в публичной сфере» и вводить «качественные произведения в учебную программу государственных школ» (с. 417) — «чтобы двигаться вперед» на основе «национальных идеалов (несомненно) и более выразительного квазиэротического чувства национальной любви (сомнительно)» (с. 424). Так, Нуссбаум предлагает изображать «трагическое положение в несколько обобщенной и абстрактной форме, чтобы люди... выбирали общую и справедливую политику, а не облегчение страдания конкретных людей... Обобщенные переживания сострадания прокладывают мост к хорошим принципам и сами по себе являются эмоциями, в которых принципы заложены как часть их содержания... и могут фактически подорвать враждебные стереотипы» (с. 476).

В заключительной главе, систематизирующей содержание предшествующих пятисот страниц, политическая любовь определена как «полиморфная»: «Любовь родителей к детям, любовь к товарищам, романтическая любовь — все это способно по-разному вдохновлять публичную культуру. Мы не должны удивляться или разочаровываться, если разные группы граждан проявляют разные эмоции по поводу одного и того же публичного выступления или произведения искусства (здесь чувствуется, что книга написана до эпохи «культуры отмены»)». Все это формы любви, и все они по-разному эффективны для поощрения сотрудничества и бескорыстного поведения. Виды любви, побуждающие к хорошему поведению, скорее всего, будут иметь некоторые общие черты: отношение к объекту любви как к цели, а не как к инструменту; уважение к человеческому достоинству возлюбленного; готовность ограничить свои алчные желания в пользу любимого... альтруистичность и отказ от навязчивого поиска личного статуса и чести в пользу взаимности и уязвимости» (с. 573–574). Кроме того, «в каждой любви есть место идеалу, и в политической любви его не меньше, чем в любви родительской или личной. Когда мы любим людей, мы хотим быть добрыми к ним, а это обычно значит быть лучше, чем мы есть иногда или даже всегда. Личной любви, как и политической любви, угрожает ограниченность, пристрастность и нарциссизм, поэтому любовь — это постоянная борьба» (с. 577).

Помимо обозначенных выше вопросов и сомнений, которые вызывают некоторые утверждения Нуссбаум, следует отметить и отсутствие в книге инструкций по реализации предложенного «нормативного политического проекта». Безусловно, от философского текста этого не требуется, но Нуссбаум высказывает в адрес своих предшественников те же упреки, что отражают особенности ее книги. Так, Гердер «мало говорит о том, как должен быть реализован его проект, кроме того

8. См. подробнее в: Харви, 2018. Харви ставит вопрос иначе — можно ли воспринимать город с позиций социальной справедливости.

что новые отношения должны поощряться публичной риторикой и словами политических лидеров» (с. 93); «идеи Милля наивны и не подкреплены эмпирическими исследованиями» (с. 124); проект религии человечества Конта «оставлял желать лучшего» (с. 163). «Проекты Милля и Тагора несовершенны» и «идеалистичны», их авторы не смогли «сформулировать образ достойного общества» (с. 165), определить «надлежащий баланс между солидарностью и индивидуальными экспериментами», «между выполнением общей задачи и свободой... быть несогласным», объяснить характер распространения новой «религии» и причины ее будущего доминирования (с. 166). Ю. Хабермас «даже близко не подходит к описанию того, чем являются эмоции и как они работают, его видение настолько морализованно и абстрактно, что нельзя быть уверенным, что оно совместимо с реальной жизнью» (с. 336).

Впрочем, и высокая оценка работ предшественников как «поэтических размышлений» применима к книге Нуссбаум⁹ — благодаря ее содержательным акцентам (на поэтичности, чувственности, художественном творчестве) и стилю повествования: многочисленные эпитеты, редко встречающиеся в научном дискурсе (скажем, когда чье-то произведение оказывается «трогательным и самокритичным, забавным и безмятежным», гуманизм — «страстным», гражданин — «сильным и непокорным, бросающим вызов мертвым традициям»), и метафоричные конструкции («Тагор и Моцарт — родственные души», «Ганди — блестящий кузнец символов», «эмоции — ингредиент, который действует, как закваска», «советский реализм и его многочисленные вгоняющие в сон родственники» и др.), иногда созвучные религиозным доктринам («мир прекрасен, но в то же время хаотичен, и большая часть страданий в нем может быть облегчена более разумным использованием нашего времени в этом мире» — с. 178). Поэтичность делает текст еще более затягивающим, но не может отвлечь от постоянно возникающего вопроса — насколько реализуемы прекрасные призывы автора, скажем, «развитием внутреннего эмоционального мира расширять гражданский кругозор», а развитием «чувства солидарности не устранять чувство собственной уникальности».

Не только данная книга, но и в целом концепция Нуссбаум воспринимается неоднозначно. Например, Р. Брайдотти выделяет три течения в постгуманизме (Брайдотти, 2021: 76) (реактивный — проистекает из моральной философии; аналитический — основан на исследованиях науки и техники; критический — антигуманистическая философия субъективности), себя относит к критическим постгуманистам, а Нуссбаум¹⁰ — к реактивным постгуманистам. Причина — Нуссбаум «тщательно разрабатывает защиту современного гуманизма как гарантию демократии, свободы и уважения человеческого достоинства и отвергает саму идею кризиса европейского гуманизма, не говоря уже о вероятности его исторического

9. «В отличие от многих других философов, Нуссбаум — элегантный и лиричный автор, не одобряющий общепринятый стиль философских работ — как “научный, абстрактный, стерильный” и отстраненный от проблем своего времени» (Aviv, 2016).

10. На основе таких работ, как: Nussbaum, 1999; 2006.

упадка... защищает необходимость всеобщих гуманистических ценностей в качестве снадобья от фрагментации и релятивистского дрейфа... в результате глобализации... Для Нуссбаум абстрактный универсализм — единственная установка, позволяющая предоставить прочные основания для таких моральных ценностей, как сострадание и уважение к другим... Меня очень радует, что Нуссбаум подчеркивает значение субъективности, но то, что она заново связывает его с универсалистской верой в индивидуализм, фиксированные идентичности, устойчивые локации и моральные обязательства, меня радует куда меньше... Принимая такой развоплощенный универсализм, представления Нуссбаум о том, что считается человеком, оказываются парадоксальным образом ограниченными... Она заполняет этический вакуум глобализированного мира классическими гуманистическими нормами» (Брайдотти, 2021: 77-78).

Кого-то из читателей подобный универсализм может смутить применительно к объяснению социальной справедливости антропологически-эволюционным эмоциональным аспектом. Действительно, в последние годы появляется все больше свидетельств того, что «у людей в ходе эволюции сформировалась активная заинтересованность в делах других... каждый может существенно выиграть за счет честного взаимовыгодного поведения», и подобное сотрудничество на принципах справедливости основано как на общественных установлениях, так и эмоциях (Буайе, 2019: 218, 208). Однако Нуссбаум предлагает слишком универсалистский взгляд на эмоциональную подоплеку социального порядка, тогда как другие исследователи фокусируются на значительно меньших «кейсах» (скажем, не конструирование новой нации, а специфика эмоционального труда в разных профессиональных сферах (см. например: Weinberg, 2021)), что позволяет разрабатывать и использовать более эмпирически адекватный категориальный аппарат (эмоциональная нагрузка, эмоциональное выгорание, эмоциональные нормы компании и гендерная сегрегация профессии, а не общества в целом).

Профессиональные читатели книги отмечают и другие ее ограничения: «разрыв между академической философией и эмоциональной жизнью обычных людей», «игнорирование роли религии в сфере политических эмоций», «на удивление бесстрастный и плотный текст, который вряд ли заставит сердце читателя забиться чаще, а потому возникает вопрос: могут ли философы не только обсуждать эмоции, но и реально воздействовать на них?» (Evans, 2013); «непонятно, как соотносятся публичные и личные эмоции (например, как представители власти и политические лидеры должны относиться к вопросам прощения в рамках политического либерализма)», «почему монархия несовместима с идеалами политического либерализма (многие европейские монархи давно не претендуют на квазибожественное восприятие своими детьми-поддаными)», «сомнительно, что либертарианские политические идеалы и эмоции столь фундаментально несовместимы с политическим либерализмом... тем более что Нуссбаум разделяет идею либертарианцев о недопустимости государственного принуждения для порождения любви или симпатии (любого типа)» (Varden, 2014). Кроме того, хотя декла-

ративно Нуссбаум придерживается скорее биологизаторской трактовки эмоций (см. например: Уилсон, 2020; Черчленд, 2021; de Waal, 2009), из текста все же следует (имплицитно и эксплицитно), что моральные принципы и подкрепляющие их (публичные) эмоции обусловлены и биологически, и социально (Плампер, 2018; Симонова, 2016, 2014; Шёк, 2008; Haidt, 2001; Keltner et al., 2022; Moors, 2020), т. е. «воспитание и культура формируют наши представления о том, как вести себя, когда мы что-то чувствуем, но наши чувства сами по себе развились в процессе эволюции» (Ферт-Годбехер, 2022: 13).

Еще один фактор, влияющий на восприятие книги российским читателем, — временной: дело не в том, что за прошедшее десятилетие книга утратила актуальность, а в том, что изменился объективный контекст ее восприятия, и речь идет не только о пандемии новой коронавирусной инфекции, породившей множество массово-психотических явлений. Для российской социологии в целом характерно сдержанно-подозрительное отношение к психологизму и эмоциям. В западной социологии можно говорить о своего рода институционализации «аффективного/эмоционального поворота» уже в 1970–1980-е годы (см. Симонова, 2016; Collins, 2004; Jasper, 2011; Turner, Stets, 2005), когда обвинения в «психологизировании» стали бессмысленны — после признания, что «все общества имеют свои эмоциональные стандарты» (Зорин, 2016: 15), «культурные правила предписывают людям, как переживать и выражать эмоции» (Харрис, 2020: 19) и «правила, касающиеся типа, интенсивности, длительности, своевременности и уместности чувств, — это руководящие принципы общества, подсказки от невидимого режиссера» (Хокшильд, 2019: 145). В России «эмоциональный поворот» начался значительно позже и в существенно меньших масштабах, поэтому многие принципиальные для социологии эмоций работы стали доступны российскому читателю (были переведены на русский), когда в западной традиции нейтрально-позитивное изучение эмоций начало меняться на несколько негативно-оценочно-настороженное, но многие актуальные сегодня вопросы в книге Нуссбаум еще не затронуты.

Во-первых, проблема определения самого понятия «эмоция»: это «не более чем обертка, в которую англоязычные представители западного мира пару сотен лет назад упаковали определенный набор переживаний... Существует едва ли не столько же определений эмоций, сколько людей, их изучающих. Некоторые включают голод и физическую боль в классификацию, другие — нет. Нельзя утверждать, что концепция эмоций верна, так же как нельзя утверждать, что понятие страстей ошибочно. Сам термин “эмоция” — всего лишь обновленная упаковка с сомнительно выраженными очертаниями» (Ферт-Годбехер, 2022: 11-12). «В конце концов слово “эмоция” так прочно вошло в язык и культуру, что, употребляя его, мы задумываемся не больше, чем когда произносим слово “рука”. Разница в том, что... уже в 1981 году специалисты насчитали аж 101 определение понятия “эмоция” в психологии, и с тех пор все только усложнилось... Однако мир состоит не из одной Европы... Эта западная концепция мало что значила для африканского народа ашанти или японцев XIX века» (Там же: 161-162).

Во-вторых, наметилось окончание противостояния социально-конструктивистского и универсально-биологического подхода к эмоциям. С одной стороны, исследователям все сложнее обосновать приоритетность любого из них, и теперь задача — их корректное соотношение. С другой стороны, акцент сместился с анализа внутренних механизмов эмоций на способы управления ими, т. е. с изучения «эмоциональных режимов» на их создание и изменение. «Мы вышли на новый виток понимания эмоций... но в результате сформировались в том числе ошибочные идеи, например, понятие базовых эмоций (врожденных (см. например: Экман, 2020))... Те, кто склонен верить в борьбу за социальную справедливость... как правило, опираются на идеи конструктивизма... Те, кто не согласен с ними, часто оказываются универсалистами, считают мир эмоций статичным и неизменным, а всех, кто выступает против “нормы”, — угрозой... В научной литературе... границы между теориями о врожденном и культурном происхождении эмоций постепенно стираются. Мы обязаны этим успеху исследователей, осмелившихся пойти против научной парадигмы П. Экмана (Ekman, 1992; Ekman, Oster, 1979), К. Лутца (Lutz, 1988) и их последователей, а также... неудачным попыткам наделить машины настоящими человеческими эмоциями» (Ферт-Годбехер, 2022: 248, 260, 263).

В-третьих, любовь, к которой призывает Нуссбаум, перестает восприниматься как нечто безусловно позитивное. Одни авторы ссылаются на исторические события, утверждая, что, например, «побудительным мотивом для крестоносцев, по всей видимости, стало глубокое чувство любви к ближнему в августинианском понимании. Беда в том, что Августин имел в виду отнюдь не “возлюби только того ближнего, с которым согласен”. В связи с чем возникает вопрос: как эта любовь к ближнему уживалась с насилием в человеке XI века? К счастью — по крайней мере, для крестоносцев, — у Августина был ответ и на этот вопрос, и заключался он в концепции справедливой войны... Покуда причины вашей войны правильны, т. е. пока вы сражаетесь за Господа, а не ради личной выгоды или из ненависти, она справедлива» (Там же: 92-93).

Другие авторы отмечают своего рода вырождение любви в современном мире, что противоречит идее Нуссбаум о развитии публичной сферы с помощью творческого потенциала любви. «В обществе индивидуализации любовь... способствует еще большему эгоцентризму индивидов... Любовь уничтожает публичную сферу, делая невозможным или очень сложным коллективное политическое действие... Чем больше людей, для которых внутренний мир и семейный очаг становятся смыслом жизни, тем меньше людей, готовых вообще быть активными в публичной сфере... Даже на уровне аффектов публичная сфера начинает восприниматься как холодная, безличная и непредсказуемая; частная же сфера через идеи романтического союза ассоциируется с теплом и близостью... Во время национальных катаклизмов власть говорит: “Идите домой, позаботьтесь о своих семьях”» (Вилисов, 2022: 190-191). Применительно к современному обществу даже вводится понятие «негативные отношения» (Shouz, 2019) — отказ все большего количества людей от любовных от-

ношений или сознательный выбор «не связываться» (только ситуативные сексуальные, в том числе виртуальные, и кратковременные связи). И Нуссбаум «попадает в типичную ловушку социальных теоретиков любви, которые сразу предпринимают попытку отделить плохую любовь (нарциссизм) от хорошей (открытость к изменениям)... но есть сомнения, что такое разделение возможно» (Вилисов, 2022: 210).

Книга однозначно рекомендуется к прочтению широкой аудиторией по целому ряду причин — и уже отмеченным выше (иное звучание в свете нынешних реалий; систематизация концептуальных споров, проникших в медийный дискурс и подкрепляющих социальные стереотипы; известные исторические примеры, рассмотренные в своеобразном эмоционально-ценностном контексте и др.), и заслуживающим отдельного упоминания: привлечение убедительных «кейсов» для честного признания возможностей и опасностей патриотизма как философской идеи и политического принципа; личный пример отказа от «культуры отмены» — обращение к русскому читателю с призывом к «собственным размышлениям об извечных проблемах» и выражение ему «уважения, любви и искренних пожеланий мира и справедливости во всем мире» (с. 13); критика эконометрической трактовки счастья людей как «вместилищ удовлетворенности» (с. 183) и др. Неподготовленному читателю книга может показаться избыточно сложной (терминологически) и несколько запутанной: Нуссбаум старается избегать повторов, постоянно отсылая любопытных или неудовлетворенных читателей к другим своим работам, но книга все равно производит впечатление скорее сборника статей¹¹, чем монографии, — повторяются сноски, пояснения, примеры и аргументы, и ситуацию не спасает ни хороший перевод, ни увлекательные автобиографические описания, хотя благодаря им текст легко и увлекательно читается.

Из предшествующего повествования может сложиться впечатление о негативном восприятии книги, но это совершенно не так. Если кому и можно предъявлять претензии в пессимистическом настрое после ее прочтения, то не автору, а «родителям» и исполнителям неудавшихся политических проектов — в соответствии с идеей Дж. Скотта о провальных благих намерениях государственных мужей (см. например: Scott, 1997, 2008). Однако Нуссбаум (само)критично воспринимает свой философский «цех»: «в разное время в разных местах великие демократические лидеры понимали, как важно культивировать надлежащие эмоции (и бороться с теми, что препятствуют общественному прогрессу)»¹², но «либеральная политическая философия в целом уделяла этому недостаточно много внимания»¹³, хотя,

11. Что, в частности, позволяет называть книгу «масштабным трудом со сложной и эклектичной архитектурой... по отдельности фрагменты анализа Нуссбаум кажутся иногда не очень убедительными, но в совокупности образуют цельное, хотя и разнородное пространство» (Зыгмонт, 2023).

12. Понимать и действовать, исходя из этого понимания, — разные вещи, и в политике предвыборные обещания/декларации и реальные политические решения часто далеки друг от друга (как идеал и жизнь).

13. За отсутствие или недостаточные «попытки углубиться в психологические истоки нетерпимости», за «обхождение стороной вопроса психологии достойного общества» (с. 18) достается многим предшественникам Нуссбаум, но, скажем, И. Канту в меньшей степени, чем Дж. Локку.

вероятнее всего, упрекаемые философы признавали объективные ограничения контроля эмоций в принципе и в социально-политической жизни в частности.

Книга и в 2013 году была крайне полемичной, начиная с задачи, которую Нуссбаум в ней якобы решила — ответила на вопрос «может ли достойное общество (критерии? помимо множества целей и «человеческого развития как предоставления людям возможности жить яркой и полноценной жизнью» (с. 182), тогда критерии яркости и полноценности?) сделать что-то большее для обеспечения стабильности и мотивации, чем предложили Локк и Кант, не становясь при этом нелиберальным и диктаторским в духе Руссо (только Руссо?)» (с. 21). Нуссбаум постоянно подчеркивает, что в фокусе ее внимания находятся общества не совершенные, а стремящиеся к совершенству, что порождает вопрос и о критериях совершенства («хорошее общество» весьма различается в трактовке разных политических режимов), и об индикаторах столь прекраснотушного стремления.

Многие утверждения и понятия Нуссбаум просто не вполне понятны: почему в основе дискриминации лежат эмоции отвращения, а не, например, рациональная оценка недостаточности ресурсов и их распределения среди «своих»; почему критерием работающей концепции справедливости выступает вера граждан в ее правильность (пацифизм населения еще не остановил ни один военный конфликт, развязанный «сверху»); как добиться баланса между любовью и преданностью идеалам социальной справедливости с критической политической культурой, особенно в кризисные периоды; почему не оговаривается разрыв между конституционными идеалами (прекрасны до тех пор, пока их не меняют) и реалиями (например, согласно Конституции, Россия — социальное и правовое государство, с чем многие граждане могут аргументированно не согласиться); насколько творческие люди, «которым государство предоставит широкую возможность для выражения своих взглядов на ключевые политические ценности», компетентны, чтобы так-то выразить, и почему не могут быть убежденными «служителями политической элиты в советском духе»; почему в рамках критической политической культуры юмор должен носить характер «осмеяния помпезной демонстрации патриотических чувств» (с. 24) — таковые могут быть искренними, а юмор — «государственным»¹⁴; можно ли решить проблемы дискриминации и стигматизации в не очень

14. См., напр.: Добренко, Джонссон-Скрадоль, 2022. Госсмех: сталинизм и комическое. М.: Новое литературное обозрение. Под госсмехом в книге понимается «смех начальника, санкционированный государством смех... апроприированный государством смех... Он не только не смешон и опирается на массовый вкус и неразвитое чувство юмора... но и противостоит стереотипам, согласно которым смех якобы всегда антитоталитарен, демократичен и разрушает иерархию и страх. Нет, смех может быть инструментом устрашения и укоренения иерархии, мощным инструментом тоталитарной нормализации и контроля» (с. 13). «Вторая мировая война оставила после себя огромное количество материала, позволяющего понять, как популярный юмор в самых разных формах использовался не только воюющими сторонами, но и враждебными друг другу идеологиями. Во время Первой мировой войны комедийные жанры использовались «для мобилизации боевого духа на войне»; популярная комическая культура поддерживала «прагматический патриотизм». Двадцать лет спустя два главных противника делали все возможное для того, чтобы использовать военную пропаганду для цементирования ценностных основ своего общественного устройства, в чем юмору отводилась особая роль» (с. 138).

«хорошо организованном обществе» (критерии хорошей организации?); должны ли богатые страны выполнять «некоторые обязанности по поддержке развития и процветания людей в более бедных странах» (с. 187), прежде чем выполнят их для своего населения или после; как добиться того, чтобы «публичные эмоции были одновременно ограниченными и поверхностными по сравнению с всеобъемлющими доктринами, которых придерживаются граждане» (с. 204), если приверженность доктринам часто требует особого «эмоционального режима», а в чрезвычайных ситуациях даже самые поверхностные эмоции могут стать глубинными в интересах социальной мобилизации; чем выражение «кристаллизация эмоционального опыта в институциональной форме» отличается от понятия «эмоциональный режим» и т. д.

Все перечисленное выше — не замечания, а вопросы, обусловленные как читательским недопониманием авторской аргументации, так и полемичностью текста — вследствие его утопичности¹⁵ и мозаичности, не говоря уже о специфических примерах, слишком «кейсовых» для широких философских обобщений с призывами к действию и эмоционально-этическому выбору. Сегодня, спустя десятилетие после первого опубликования, книга воспринимается еще более неоднозначно, потому что в прежде однозначно позитивных «кейсах» обнаружилось множество негативных элементов и последствий, прямо противоречащих их авторской интерпретации. Впрочем, способность вызывать множество ассоциаций, аллюзий, вопросов, сомнений и даже протестов читателя — качество однозначно заслуживающей прочтения книги.

Литература

- Брайдотти Р. (2021). Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова, М.: Издательство Института Гайдара.
- Буайе П. (2019). Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М.: Альпина нон-фикшн.
- Вилисов В. (2022). Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей. М.: АСТ.
- Добренко Е., Джонссон-Скрадоль Н. (2022). Госсмех: сталинизм и комическое, М.: Новое литературное обозрение.

Кроме того, «современная тенденция в изучении смеха — интерес к политическим аспектам комического... и “говорить о смешном в двадцатом веке не значит предложить альтернативу столетию ужасов, войн и геноцида... смех часто представлялся как путь к ужасу”» (с. 22).

15. Нуссбаум отвергает этот упрек: «нет необходимости извиняться за то, что прекрасные мечты занимают центральное место в этой книге; и нет никаких причин (кроме уродливого цинизма, который противоречит сложности истории) полагать, что красота означает нереальность». Жесткость высказывания смягчает гуманистическое признание: «книга говорит еще и о том, что реальное прекраснее возвышенного нереального» (с. 578), поэтому «то, что объединяет людей, должно быть более реальным, чем имитация, иначе сила эгоизма возьмет верх», и «идеалы реальны — даже если нам не удастся их достичь, они задают направление нашего поиска» (с. 591).

- Зорин А. Л.* (2016). Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века, М.: Новое литературное обозрение.
- Зыгмонт А.* (2023). В черном окне громоздится политическая любовь // <https://gorky.media/reviews/v-chernom-okne-gromozditsya-politicheskaya-lyubov/?ysclid=lim3ivm401777127385>.
- Мюррей Д.* (2021). Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем / Пер. с англ. Н. А. Ломтевой. М.: РИПОЛ классик.
- Нуссбаум М.* (2014). Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / Пер. с англ. М. Бендет; под науч. ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Павлюткин И.* (2014). Необъявленный кризис в образовании и воспитание граждан мира // Вопросы образования. № 3. С. 269–282.
- Плампер Я.* (2018). История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение.
- Ролз Дж.* (2010). Теория справедливости / Пер. с англ. под науч. ред. и с предисл. В. В. Целищева. М.: Издательство ЛКИ.
- Симонова О. А.* (2014). Социология эмоций и социология морали: моральные эмоции в современном обществе // Социологический ежегодник-2013–2014: Сб. научных трудов / Под ред. Н. Е. Покровского, Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН. С. 148–187.
- Симонова О. А.* (2016). Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. № 4. С. 12–27.
- Симонова О. А.* (2016). Эмоциональный поворот в социологии: Развитие теории и отдельных исследовательских областей // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Т. 3. № 3. С. 105–130.
- Сорокин В. Г.* (2020). Русские народные пословицы и поговорки. М.: Издательство АСТ; CORPUS.
- Троцук И. В.* (2019). Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. Т. 18. № 1. С. 218–249.
- Уилсон Э.* (2020). Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные / Пер. с англ. М. Исакова. М.: Альпина нон-фикшн.
- Ферт-Годбехер Р.* (2022). Эмоция: великолепная история человечества / Пер. с англ. О. Быковой; науч. ред. В. Северцев, Т. Тарасенко, Е. Костина. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Харви Д.* (2018). Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: Новое литературное обозрение.
- Харрис С.* (2020). Приглашение в социологию эмоций / Пер. с англ. О. А. Симоновой. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Хокшильд А. Р.* (2019). Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

- Черчленд П. (2021). Совесть. Происхождение нравственной интуиции / Пер. с англ. М. Десятовой. М.
- Шёк Г. (2008). Зависть: Теория социального поведения. М.: ИРИСЭН.
- Экман П. (2020). Эволюция эмоций / Пер. с англ. О. Чекчуриной. СПб.: Питер.
- Aviv R. (2016). The Philosopher of Feelings. <https://www.newyorker.com/magazine/2016/07/25/martha-nussbaums-moral-philosophies>.
- Collins R. (2004). *Interaction Ritual Chains*, Princeton: Princeton University Press.
- de Waal F. (2009). *The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society*. New York: Harmony Books.
- Degerman D. (2019). Within the Heart's Darkness: The Role of Emotions in Arendt's Political Thought // *European Journal of Political Theory*. Vol. 18. № 2. P. 153–173.
- Ekman P. (1992). An Argument for Basic Emotions // *Cognition and Emotion*. Vol. 6. P. 169–200.
- Ekman P., Oster H. (1979). Facial Expressions of Emotion // *Annual Review of Psychology*. Vol. 30. P. 527–554.
- Ellefsen R. (2022). Black Lives Matter: The Role of Emotions in Political Engagement // *Sociology*. Vol. 56. № 6. P. 1103–1120.
- Evans J. (2013). Book Review: *Political Emotions: Why Love Matters for Justice* by Martha C. Nussbaum. <https://blogs.lse.ac.uk/lsereviewofbooks/2013/12/11/book-review-political-emotions-why-love-matters-for-justice>.
- Haidt J. (2001). The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment // *Psychological Review*. Vol. 108. P. 814–834.
- Heins V. (2007). Reasons of the Heart: Weber and Arendt on Emotion in Politics // *European Legacy*. № 12. P. 715–728.
- Illouz E. (2016). *Why Love Hurts. A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. (2019). *The End of Love: A Sociology of Negative Relations*. New York: Oxford University Press.
- Jasper J. (2011). Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research // *Annual Review of Sociology*. Vol. 37. № 1. P. 285–303.
- Keltner D., Sauter D., Tracy J. L., Wetchle E., Cowen A. (2022). How Emotions, Relationships, and Culture Constitute Each Other: Advances in Social Functionalist Theory // *Cognition and Emotion*. Vol. 36. P. 388–401.
- Lutz C. A. (1988). *Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Moors A. (2022). *Demystifying Emotions: A Typology of Theories in Psychology and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nelson D. (2006). The Virtues of Heartlessness: Mary McCarthy, Hannah Arendt, and the Anesthetics of Empathy // *American Literary History*. Vol. 18. № 1. P. 86–101.
- Nussbaum M. (1999). *Cultivating Humanity: A Classical Defense of Reform in Liberal Education*. Cambridge: Harvard University Press.
- Nussbaum M. (2006). *Frontiers of Justice. Disability, Nationality, Species Membership*. Cambridge: Harvard University Press.

- Scott J. (1997). *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.
- Scott J. (2008). *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale Press.
- Swidler A. (2001). *Talk of Love: How Culture Matters*. Chicago: University of Chicago Press.
- Turner J. H., Stets E. J. (2005). *The Sociology of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Varden H. (2014). Review: *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. <https://ndpr.nd.edu/reviews/political-emotions-why-love-matters-for-justice>.
- Weinberg J. (2021). Emotional Labor and Occupational Wellbeing in Political Office // *British Journal of Politics and International Relations*. Vol. 23. № 3. P. 430–450.

The Other Kind of Utopia, Or How Social Justice Is Possible in the World of Those Loving One's Non-Neighbor

Book review: Nussbaum M. (2023) *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. Transl. from English by S. Porfirieva, Moscow: New Literary Review, 632 p.

Irina Trotsuk

Doctor of Sociological Sciences, Centre for Fundamental Sociology,
National Research University Higher School of Economics
Professor, Sociology Chair,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Martha Nussbaum is a famous American philosopher and an incredibly prolific author who published more than twenty books and five hundred articles on a wide range of issues of "good living" — from the fragility of goodness and poetic justice, love of country and cultivating humanity to the intelligence of emotions and the new religious intolerance (and this is not an exhaustive list). Unfortunately, only two books have been translated into Russian — *Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities* (2014) and *Political Emotions: Why Love Matters for Justice* (2023). The first book is thematically focused and aims at proving both the flawed interpretation of education as an exclusively tool for economic growth and the value of the humanities and arts for the high quality of life and prosperity of democratic states. The second book also emphasizes the importance of education and the arts, compassionate citizenship and the pursuit of the common good, is based on personal observations of life in the United States and India, promotes the ideas of social justice and equality, but on a higher level of generalizations, relying on the author's previous research and adding the most important emotional "ingredient" of social order — love. The article is an attempt to show the undoubted strengths of this great book (rich in research, concepts and illustrations) and its (more doubtful) limitations which are due primarily to the book's implicit expectation of the reader's awareness of its conceptual foundations (previous works of Nussbaum), and the past decade's peculiar effect on its ideological, conceptual and illustrative content.

Keywords: Martha Nussbaum, (political) emotions, (social) justice, social order, good living, (post) humanism, moral principles, (political) love, public sphere, (in)equality, patriotism

References

- Aviv R. (2016) *The Philosopher of Feelings*. <https://www.newyorker.com/magazine/2016/07/25/martha-nussbaums-moral-philosophies>.
- Boyer P. (2019) *Anatomiya chelovecheskikh soobshchestv. Kak soznaniye opredelyayet nashe bytiye* [Anatomy of human communities. How consciousness determines our being], Moscow: Alpina non-fiction.
- Bridotti R. (2021) *Postchelovek* [Posthuman]. Per. from English. D. Khamis, ed. V. Danilova, Moscow: Gaidar Institute Publishing House.
- Churchland P. (2021) *Sovest'. Proiskhozhdeniye npravstvennoy intuitsii* [Conscience. The origin of moral intuition]. Per. from English. M. Desyatova, Moscow.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*, Princeton: Princeton University Press.
- de Waal F. (2009) *The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society*, New York: Harmony Books.
- Degerman D. (2019) Within the Heart's Darkness: The Role of Emotions in Arendt's Political Thought. *European Journal of Political Theory*, vol. 18, no 2, pp. 153–173.
- Dobrenko E., Johnsson-Skradol N. (2022) *Gossmekh: stalinizm i komicheskoye* [Gossmekh: Stalinism and the comic], Moscow: New Literary Review.
- Ekman P. (1992) An Argument for Basic Emotions. *Cognition and Emotion*, vol. 6, pp. 169–200.
- Ekman P. (2020) *Evolyutsiya emotsiy* [The evolution of emotions] Per. from English. O. Chekchurina, Sankt-Peterburg: Piter.
- Ekman P., Oster H. (1979) Facial Expressions of Emotion. *Annual Review of Psychology*, vol. 30, pp. 527–554.
- Ellefsen R. (2022) Black Lives Matter: The Role of Emotions in Political Engagement. *Sociology*, vol. 56, no 6, pp. 1103–1120.
- Evans J. (2013) Book Review: *Political Emotions: Why Love Matters for Justice* by Martha C. Nussbaum. <https://blogs.lse.ac.uk/lse-views-of-books/2013/12/11/book-review-political-emotions-why-love-matters-for-justice>.
- Firth-Godbecher R. (2022) *Emotsiya: velikolepnaya istoriya chelovechestva* [Emotion: a magnificent history of mankind]. Per. from English. O. Bykova; eds. V. Severtsev, T. Tarasenko, E. Kostina, Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.
- Haidt J. (2001) The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment. *Psychological Review*, vol. 108, pp. 814–834.
- Harris S. (2020) *Priglaseniye v sotsiologiyu emotsiy* [An invitation to the sociology of emotions]. Per. from English. O. A. Simonova, Moscow: HSE Publishing House.
- Harvey D. (2018) *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Social justice and the city]. Per. from English. E. Yu. Gerasimova, Moscow: New Literary Review.
- Heins V. (2007) Reasons of the Heart: Weber and Arendt on Emotion in Politics. *European Legacy*, no 12, pp. 715–728;
- Hochschild A. R. (2019) *Upravlyayemoye serdtse: kommertsializatsiya chuvstv* [Controlled Heart: The Commercialization of Feelings], Moscow: Publishing house "Delo" RANEPa.
- Illouz E. (2016) *Why Love Hurts. A Sociological Explanation*, Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. (2019) *The End of Love: A Sociology of Negative Relations*, New York: Oxford University Press.
- Jasper J. (2011) Emotions and Social Movements: Twenty Years of Theory and Research. *Annual Review of Sociology*, vol. 37, no 1, pp. 285–303.
- Keltner D., Sauter D., Tracy J. L., Wetchle E., Cowen A. (2022) How Emotions, Relationships, and Culture Constitute Each Other: Advances in Social Functionalist Theory. *Cognition and Emotion*, vol. 36, pp. 388–401;
- Lutz C. A. (1988) *Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory*, Chicago: University of Chicago Press.
- Moors A. (2022) *Demystifying Emotions: A Typology of Theories in Psychology and Philosophy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Murray D. (2021) *Bezumiye tolpy. Kak mir soshel s uma ot tolerantnosti i popytok ugodit' vsem* [Crowd madness. How the world went crazy with tolerance and trying to please everyone]. Per. from English N. A. Lomteva, Moscow: RIPOL classic.

- Nelson D. (2006) The Virtues of Heartlessness: Mary McCarthy, Hannah Arendt, and the Anesthetics of Empathy. *American Literary History*, vol. 18, no 1, pp. 86–101.
- Nussbaum M. (1999) *Cultivating Humanity: A Classical Defense of Reform in Liberal Education*, Cambridge: Harvard University Press;
- Nussbaum M. (2006) *Frontiers of Justice. Disability, Nationality, Species Membership*, Cambridge: Harvard University Press.
- Nussbaum M. (2014) *Ne radi pribyli: zachem demokratii nuzhny gumanitarnyye nauki* [Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities] Per. from English. M. Bendet; ed. A. Smirnova, Moscow: Publishing House Higher School of Economics
- Plumper I. (2018) *Istoriya emotsiy* [History of emotions] Per. from English. K. Levinson, Moscow: New Literary Review.
- Rawls J. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice] Per. from English, ed. and with preface. V.V. Tselishchev, Moscow: Publishing house LKI.
- Scott J. (1997) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. (2008) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*, New Haven: Yale Press.
- Shek G. (2008) *Zavist': Teoriya sotsial'nogo povedeniya* [Envy: A Theory of Social Behavior], Moscow: IRISEN
- Simonova O. A. (2014) Sotsiologiya emotsiy i sotsiologiya morali: moral'nyye emotsii v sovremennom obshchestve [Sociology of emotions and sociology of morality: moral emotions in modern society]. *Sociological Yearbook 2013–2014*. Ed. N. E. Pokrovsky, D.V. Efremenko, Moscow: INION, pp. 148–187.
- Simonova O. A. (2016) Bazovyye printsiipy sotsiologii emotsiy [Basic principles of the sociology of emotions] *Bulletin of St. Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy*, no 4, pp. 12–27.
- Simonova O. A. (2016) Emotsional'nyy povorot v sotsiologii: Razvitiye teorii i otdel'nykh issledovatel'skikh oblastey [Emotional Turn in Sociology: Development of Theory and Individual Research Areas]. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, vol. 3, no 3, pp. 105–130.
- Sorokin V. G. (2020) *Russkiye narodnyye poslovitsy i pogovorki* [Russian folk proverbs and sayings], Moscow: Publishing house AST; CORPUS.
- Swidler A. (2001) *Talk of Love: How Culture Matters*, Chicago: University of Chicago Press.
- Trotsuk I. V. (2019) Spravedlivost' v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskiye, empiricheskiye, istoricheskiye i kontseptual'nyye poiski [Justice in sociological discourse: semantic, empirical, historical and conceptual searches]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 1, pp. 218–249.
- Turner J. H., Stets E. J. (2005) *The Sociology of Emotions*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Varden H. (2014) Review: *Political Emotions: Why Love Matters for Justice*. <https://ndpr.nd.edu/reviews/political-emotions-why-love-matters-for-justice>.
- Vilisov V. (2022) *Postlyubov'. Budushcheye chelovecheskikh intimnostey* [Post-love. The future of human intimacy], Moscow: AST.
- Weinberg J. (2021) Emotional Labor and Occupational Wellbeing in Political Office. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 23, no 3, pp. 430–450.
- Wilson E. (2020) *Eusotsial'nost': Lyudi, murav'i, golyye zemlekopy i drugiye obshchestvennyye zhitovnyye* [Eusociality: People, ants, naked mole rats and other social animals]. Per. from English. M. Isakova, Moscow: Alpina non-fiction.
- Zorin A. L. (2016) *Poyavleniye geroya: iz istorii russkoy emotsional'noy kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka* [The Emergence of a Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late 18th — Early 19th Century], Moscow: New Literary Review.
- Zygmunt A. (2023) In the black window political love piles up [In the black window political love piles up] <https://gorky.media/reviews/v-chernom-okne-gromozditsya-politicheskaya-lyubov/?yclid=lim3ivm401777127385>.